

ЗУБР, РИЛЬ И ДРУГИЕ

Михаил Фонотов

"Зубр, Риль и другие" – фрагмент книги М.С. Фонотова "Родная старина. Очерки истории Южного Урала", вышедшей в конце августа 2011 года в издательстве Игоря Розина и переизданной в ноябре 2012-го.

Кто-то мне рассказывал, как однажды (вскоре после войны) он был поражен видением, подобным наваждению: в лесу, на берегу одного из каслинских озер, вдруг возникли странные люди в нездешних одеяниях, изъяснявшиеся на немецком языке. Кто в шляпе, кто без головного убора, кто в плаще, кто в клетчатом костюме, эти люди стояли, заложив руки за спину и подняв головы, обмениваясь короткими репликами. Они явно наслаждались тишиной, ароматами, лесом, озером, небом... Странные пришельцы исчезли так же внезапно, как появились, – только серая "Победа" мелькнула за сосновыми стволами.

Десант немецких ученых на Сунгуле тогда, в 1947 году, и верно, весьма напоминал инопланетный. Такие люди Каслям были в диковинку. Люди из другого мира, из другой жизни.

Инопланетянами казались не только немецкие, но и русские ученые. Они тоже были очень странными. Вроде заключенные, а почему-то щедро ожалованные. Зэк, а ему особняк о пяти комнат – спроста ли?

Биолог (заключенный) Д.И. Семенов – гитарист. Имел обыкновение ходить в белых брюках и голубом пиджаке. Для гостей держал в запасе хороший коньяк. Биолог и физик (заключенный) Н.В. Лучник – коллекционер марок, рисовальщик, стихотворец. Его перу принадлежит поэма "Сунгулиада". Химик В.Л. Анохин (заключенный) вышивал крестом подушечки, хорошо пел и рисовал. Генетик С.Р. Царапкин – красивый баритон, лучший игрок в городки. М.Ю. Тиссен – прекрасный пианист. Ю.И. Москалев – очень сильный шахматист, книголюб, охотник, рыболов. Вильгельм Менке, ботаник, всем семейством собирал гербарии. Генри Ортман – яхтсмен. Дочь Ланге Хане по имени Лора – единственная, может быть, на весь Урал фигуристка на льду. Наконец, сам Тимофеев-Ресовский – вообще энциклопедист. То, что он любил петь, танцевать и вообще веселиться, – это само собой, от характера, а еще он прекрасно знал историю – русскую и европейскую, живопись, музыку, поэзию. А жена его, Елена Александровна, изнывала от того, что более семи лет не была в концерте и что часто видит во сне, как входит в большой концертный зал, а у рояля – Рихтер.

Свой досуг ученые отдавали лыжам, футболу, волейболу, кино, танцам, художественной самодеятельности, сбору грибов, ловле раков и просто наслаждению природой. Впрочем, и все остальное было ради удовольствия, а не ради хлеба насущного.

На взгляд местных жителей, ученые на Сунгуле жили за колючей проволокой и острыми оградками, но – в раю. Научным сотрудникам были назначены оклады от полутора до двух с половиной тысяч рублей. Заведующие отделами имели до 4,5 тысяч рублей в месяц, немецкие ученые получали до 6,5 тысяч рублей, а самый отмеченный из них, Николас Риль, – 14 тысяч рублей. Без портфеля он не мог унести свой заработок из кассы. Между тем средний заработок в промышленности исчислялся в 700 рублей. А деревня в те годы вообще денег не знала.

На Сунгуль, преимущественно для немецких ученых, доставлялись свежие фрукты, не без винограда, чешское пиво, хорошие папиросы и сигары.

Контрасты жизни... И перепады судеб... У каслинцев невзыскательная устоялость, устойчивость, патриархальный штиль, у ученых – то взлет, то падение, то близко к гибели, то близко к роскоши. Тимофеев-Ресовский был доставлен в Сунгуль едва живым. Он не мог стоять на ногах, его внесли в корпус на простыне. Но таков перепад: из тюрьмы, из лагеря сразу, без перехода, – в райское место, на курорт.

Такой же кульбит испытал Николай Викторович Лучник. Потом он вспоминал, как в “столыпинках” их, эсков, набивали в купе не пять, не семь человек, как положено, а по тридцать и более. “Такое купе – плотно спрессованная человеческая масса, где неизвестно, где чья рука, где чья нога. Невозможно поверить, что в этой человеческой массе люди могут просуществовать хотя бы час, а они едут в ней днями и днями”.

И что потом? Потом, в Сунгуле, после гнилой кильки, на завтрак – и белый хлеб, и сливочное масло, и морковь, тушенная в сметане, и глазунья с колбасой, и кофе с молоком...

Я не знаю, получил бы Тимофеев-Ресовский такую известность, какую получил, если бы не повесть Д. Гранина “Зубр”. Боюсь, что известность его была бы много скромнее. Короткое слово “зубр”, сказанное писателем вовремя, так и прилипло к Тимофееву-Ресовскому. Образ, найденный Граниным, отмечен счастливым совпадением: и во внешнем облике, и в характере, и в судьбе Тимофеева-Ресовского, действительно, есть что-то от зубра. (Само-то слово было подсказано женой Николая Владимировича, когда она увидела картину челябинского (тогда) художника Рубена Габриэляна. То был портрет Тимофеева-Ресовского с портретом же Нильса Бора на стене и статуэткой зубра каслинского литья на столе. Тогда Елена Александровна и произнесла: “Три зубра”. Из трех остался один.)

Знающие люди говорят, что Тимофеев-Ресовский (вместе с двумя немецкими учеными) впервые определил размер гена. И, кроме того, познал кое-что в таких вещах, как хромосомы и мутации. Но ничего не стоило втравить его в глубокомысленный разговор о чем угодно, потому что ничего нет такого, что нельзя поднять до высот науки. Особенно охотно он общался с молодыми умами. Правильно сказано: он был не только ученый, но еще и учитель. Не ген сделал его популярным в среде научной молодежи, а знаменитые семинары на берегу озера Большое Миассово, в которых мудренно переплетались размышления и развлечения, диспуты и тосты, физика и лирика.

* * *

Теперь нам дано знать, что такое Лаборатория “Б”. Решение о ее создании было принято в начале 1946 года. Еще ничего нет – ни атомной бомбы, ни ядерного реактора, ни самой радиации, а уже определено предназначение Лаборатории “Б” – изучить, на какие последствия способно разорванное атомное ядро. Я не скажу, что Лаборатория “Б” только для того и создавалась, чтобы найти защиту от атома, но и для защиты тоже.

Усилим воображения вернемся в начало 1946 года. Страна, едва опомнившаяся после изнурительной войны. Разруха, бедность, нищета. Где ее взять, эту Лабораторию “Б”, которая должна начать тончайшие исследования в очень смутной области знаний. Тут голыми руками, одной страстью ничего не добиться.

Кроме страсти, ничего и не было. И не на что было рассчитывать, кроме как на победу. Да, на Победу! Из Берлина на берег озера Сунгуль было доставлено все, что требовала наука: оборудование, аппаратура, инвентарь, материалы, библиотеки, а также трофейные кровати, ковры, пианино, холодильники и прочее. Ученые получили в свое распоряжение рентгеновские аппараты, спектрометры, потенциометры, колориметры, микроскопы,

микротомы, термостаты, счетчики, сушильные шкафы, муфельные печи, центрифуги, весы, специальную посуду, свинцовые стекла и листы, а также опытные участки и пруды, оранжерею, аквариумы, виварий.

Вместе со всем этим научным имуществом из Германии были вывезены и немецкие ученые, те, которых не вывезли американцы (человек триста всего, считая и домочадцев). Многие из них попали на Сунгуль. Это – Карл Циммер, которого Тимофеев-Ресовский называл лучшим дозиметристом мира. Это – Ганс Борн, опытный радиохимик. Это – Александр Кач. И наконец, это – Николас Риль, прибывший позднее.

К тому времени Николас Риль успел уже в Электростали показать освоенную еще в Германии технологию производства металлического урана. Это произвело на Сталина такое сильное впечатление, что он отблагодарил Рилья со сталинской щедростью. На Сунгуль Риль приехал со звездой Героя Социалистического труда на пиджаке. Был он еще и лауреатом Сталинской премии первой, разумеется, степени. Дана была ему премия – 350 тысяч рублей, кроме 350 тысяч, полученных прежде того. И подарен автомобиль. И пожалована дача с обстановкой. И установлен двойной оклад на все годы работы. И право бесплатно разъезжать с семьей на всех видах транспорта. И обучать детей в любых учебных заведениях.

Николаус Риль, научный руководитель Лаборатории “Б”:

– Судьба Тимофеева-Ресовского заслуживает особого описания, она является характерной для сталинского послевоенного времени. Тимофеев был советским гражданином. В 20-е годы он был приглашен в Берлин, в Кайзер-Вильгельм институт мозга, немецким ученым по изучению мозга Фогтом, который по поручению Советского правительства занимался исследованием мозга Ленина в Москве. Не отказываясь от советского гражданства, он оставался там до конца войны. Его работы – особенно исследования по радиационному воздействию на наследственность, выполненные вместе с Дельбрюком и Циммером, – способствовали его авторитету. Нацистское правительство оставило его лично на долгое время в покое. Но его старший сын за контакты с советскими военнопленными был арестован и брошен в концентрационный лагерь. Тимофеев думал, что ему уже нечего бояться русских. Поэтому, а также из-за чувства своей принадлежности к России он остался в Берлине, когда туда вошли советские войска. Спустя некоторое время он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы.

Помогли ли немцы в создании атомного оружия в СССР? Разумеется, помогли. И что, без них ничего не получилось бы? Получилось бы, конечно, но – когда?

Если коротко и просто, то Лабораторию “Б” “вели” физики и биологи. Но физика там была биологическая, а биология – физическая. Так, в скрещении, родилась биофизика. Две науки, претендующие в естествознании на лидерство, тогда переплелись. Когда в Сороковке “зажгли” первый реактор, оттуда в Лабораторию “Б” привозили в колбе “продукт 904”, “юшку”, как говорил Тимофеев-Ресовский, буроватую жидкость – смесь осколков деления урана. Из “юшки” надо было выделить изотопы, очистить их и работать с ними.

А работа в том и состояла, чтобы изучить (где первыми в мире, где – вторыми), как радиация воздействует на все живое, где она накапливается и как выводится. То есть Лаборатория “Б” начинала то, о чем (после Чернобыля) до сих пор судачит вся мировая общественность.